

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

Социально-экономическое неравенство в условиях неоэтатанизма

(Размышления над неординарным исследованием)

Рост социального неравенства различных слоев российского общества на всем протяжении постсоциалистической истории страны остается одной из самых болезненных проблем. Ее анализу посвящены многие работы как социологов, так и экономистов, разрабатывающих варианты развития отечественной социальной сферы. Но, как правило, эти работы ограничиваются лишь узким подходом к проблеме – либо фиксацией статистических и социологических данных, отражающих динамику социального неравенства, либо предложениями по преобразованию российской социальной сферы, образцы для которых берутся из опыта, накопленного, например, в рамках социального рыночного хозяйства стран Запада, либо, напротив, требованиями консервации существующих форм социальной поддержки, основанных на резком увеличении средств, направленных и непосредственно на помощь малоимущим, и на поддержание сложившихся в предшествующий период институтов образования, здравоохранения, ЖКХ, культуры и т.д. Общей слабостью таких работ является то, что исследуемый материал не погружен в общий контекст постсоциалистических преобразований.

В результате такого рода анализ входит в противоречие с социальной реальностью, а разрабатываемые на его основе проекты реформирования социальной сферы вообще и системы поддержки наиболее уязвимых социальных слоев населения в частности раз за разом терпят фиаско. Закономерным следствием подобной ситуации остается тот факт, что после двух десятилетий реформ подавляющее большинство российского населения так и не смогло улучшить свое материальное положение по сравнению с концом 1980-х гг. Более того, многим именно тот период представляется сегодня временем процветания, хотя как раз недовольство уровнем жизни стало “спусковым крючком” антикоммунистической трансформации не только в России и других странах СНГ, но и в гораздо более благополучной Центральной и Восточной Европе. И тут и там «мотором антикоммунистических революций явилось массовое стремление к модернизации, формулируемое как желание жить “как на Западе”. При этом для одних это стандарты жизни западноевропейской элиты, для других – уровень пособий по бедности, безработице и т.д.» [Шкаратан, Ильин, 2006, с. 263].

Как показывают многие социологические исследования, в 2000-е гг. уровень жизни большинства населения, его возможности удовлетворения наиболее насущных потребностей, несмотря на рост ВВП, остались весьма скромными. Об этом свиде-

Плисевич Наталья Михайловна – заместитель главного редактора журнала “Общественные науки и современность”, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

Таблица 1

Ответы на вопрос:
“К какой группе населения вы скорее всего отнесли бы свою семью?”(в %)

Варианты ответа	2001 г., ноябрь	2005 г., ноябрь	2007 г., январь	2007 г., ноябрь	2008 г., ноябрь
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	22	15	13	14	12
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения	44	37	30	33	29
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является для нас проблемой	27	37	41	37	42
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	7	10	16	15	17
Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки – машину, квартиру, дачу и многое другое	0	1	0	1	1

Источник [Общественное... 2007, с. 37; Общественное... 2008, с. 35].

тельствуют, например, данные мониторинговых опросов Левада-Центра (см. табл. 1). Причем здесь идет речь об опросах, проведенных еще до нового экономического кризиса, когда уровень жизни населения снова стал падать (в наибольшей степени это касается самых массовых – малообеспеченных – слоев).

Обращает на себя внимание, что при определенных успехах, достигнутых в 2000-е гг., связанных прежде всего с сокращением доли наиболее обездоленных слоев населения, в целом структура населения стабилизировалась. И например, Т. Малева выделяет такие укрупненные страты современной России: 10% – низший класс, 20% – средний класс, 70% – класс ниже среднего. При этом “сегодня социально-экономическая политика работает на полюсах: политика прямого регулирования доходов достигает своего результата в зоне бедности, экономический рост способствует укреплению материального положения наиболее обеспеченных доходных групп” [Малева, 2008, с. 22]. И основную проблему российского общества Малева видит в том, что сегодня основная его часть (70%) оказывается вне поля реальной социальной политики.

Схожие данные можно найти и в работах Н. Тихоновой. По ее расчетам, в 2006 г. у нас к нищим и бедным относились 22% населения, к нуждающимся – 12%, к малообеспеченным – 26%, к нижней части среднего класса, также испытывающей серьезные материальные трудности и неуверенность в собственном положении, которое в любой момент может качественно ухудшиться, скажем, при смене внешнеэкономической конъюнктуры – 23%, к собственно среднему классу – 12%, к богатым – 5% [Тихонова, 2007, с. 63]. Особо выделяется Тихоновой медианный (малообеспеченный) класс как наиболее типичный для населения современной России, которому при этом присущ минимально приемлемый для него стандарт жизни. А «на устойчивое положение в будущем может рассчитывать примерно третья половина населения с учетом высших слоев...

Таблица 2

Ответы на вопрос: “Какие реальные результаты принесли реформы, объявленные В. Путиным после прихода к власти?” (в %)

Реформа	Позитивные результаты		Негативные результаты		По-настоящему реформы не начинались	
	Элита	Массы	Элита	Массы	Элита	Массы
Пенсионная	28	26	40	31	27	43
Монетизация льгот	27	31	51	59	18	10
Образования	24	10	39	42	32	48
Здравоохранения	22	10	43	39	31	51
ЖКХ	8	8	59	33	30	59

Источник [Гудков, Дубин, Левада, 2007, с. 101].

Таблица 3

Динамика индексов текущего положения семьи, страны и ожиданий населения

	2008 г., март	2008 г., июнь	2008 г., сентябрь	2008 г., декабрь	2009 г., март
ИС	133	128	125	106	96
ИР	135	132	128	107	102
ИО	131	127	123	97	93

Источник <http://www.levada.ru/press/2009032701.html>.

Плюс еще 10–15% населения находится в состоянии неустойчивого равновесия и их положение может улучшаться и ухудшаться в зависимости от текущей конъюнктуры. При этом 50–60% населения обречены при сохранении нынешних тенденций на прогрессирующее ухудшение их положения и плавное соскальзывание вниз от малообеспеченности к более или менее глубокой бедности. Такова та “структурата позиций”, которая формирует модель стратификации современного российского общества» [Тихонова, 2007, с. 163].

Все попытки социальных реформ, которые пытались провести руководство страны в “тучные” 2000-е гг., не смогли переломить ситуацию. Неудовлетворенность этими реформами находит отражение и в опросах населения. Причем, судя по данным Левада-Центра, в своих оценках более-менее солидарны и широкие массы людей, и представители российской элиты (см. табл. 2). А трудности, обусловленные началом экономического кризиса в 2008 г., закономерно ведут и к объективному ухудшению положения большинства населения, и, как результат, к нарастанию пессимизма в его оценке, равно как и в оценке перспектив развития страны. Об этом, в частности, свидетельствует динамика отслеживаемых Левада-Центром индексов текущего положения семьи (ИС), текущего положения страны (ИР) и индекса ожиданий (ИО). Их изменения за период с марта 2008 г. и по март 2009 г. дают вполне четкую картину (см. табл. 3).

В чем же причина сложившегося положения? Представляется, что ответ на данный вопрос можно найти в новой книге О. Шкарата и его коллег – молодых исследователей-аналитиков (это Г. Ястребов, С. Инясовский, Ю. Крельберг, Д. Смыслов, А. Красилова) “Социально-экономическое неравенство и его воспроизведение в современной России” (М., 2009). Опираясь на цикл проведенных по единым схеме выборки и инструментарию исследований (1994, 2002 и 2006 гг.)¹, а также на материалы при-

¹ Спектр используемых показателей при этом расширялся и уточнялся с учетом изменений социально-экономической ситуации в стране. В Приложениях к книге приводятся как бланки интервью, так и используемые авторами классификаторы выделения групп по видам занятия, характеру труда, по социально-

мерно 300 глубинных тематических интервью, авторы представили работу, которая покоится на фундаменте надежной, сопоставимой и емкой информационной базы. Это позволило провести анализ динамики социальной структуры российского общества в постсоалистический период и вскрыть стоящие за этой динамикой социальные процессы.

В результате удалось получить объемную картину состояния современного российского общества. При этом, как отмечает сам Шкарата, полученные данные “опровергли как собственные подходы руководителя проекта, так и выводы многих других отечественных и западных исследователей” (с. 18). Эти данные систематизированы в главах книги, посвященных трансформации социальной системы постсоветской России и становлению в ней новых форм социального расслоения, различиям социальных слоев по человеческому и социальному ресурсам, динамике уровня жизни и положения социальных низов, специфике российского среднего класса и высших слоев российского общества, а также характеру воспроизведения социального расслоения в современной России.

Здесь ученые могут найти и богатый эмпирический материал, и его интересную интерпретацию². Поэтому я не считаю своей задачей описание особенностей социальной структуры российского общества, предложенной Шкаратаом и его учениками. Мне хотелось бы сосредоточиться на другой особенности книги, делающей ее уникальной среди многочисленных чисто социологических исследований в данной области. И именно благодаря этой особенности стало возможным четко выяснить тему *воспроизведения* социальной структуры, предложить объяснение того, почему и ход реформ 1990-х гг., и период “стабильности” 2000-х гг. не только не привел к качественному росту благосостояния большинства населения (ради чего, собственно, реформы и были начаты), но, напротив, обернулись относительным или абсолютным ухудшением материального положения этого большинства и продолжающимся по сей день ростом имущественного расслоения. Так, коэффициент Джини – показатель неравномерности распределения населения по уровню денежных доходов за благоприятные 2000–2006 гг. вырос с 0,395 до 0,410 [Модернизация... 2009, с. 61]. Но главное, в складывающейся в стране ситуации, как отмечает Шкарата, “не цифры, а характер основной и весьма тревожной тенденции – привыкания значительной части наших соотечественников к бедности, включение их в культуру бедности” (с. 242).

Важнейшей особенностью книги является то, что весь ее материал собран, структурирован на основе четкой социально-экономической концепции трансформационных процессов, разворачивающихся на территории бывшего Советского Союза. Эта концепция уже была неоднократно изложена Шкаратаом в ряде работ, прежде всего в [Шкарата, 2004^a], в цикле статей, опубликованных и на страницах журнала “Мир России”, и в нашем журнале [Шкарата, 2004^b; 2009].

Суть ее автор определяет как этакратизм, исходя из того, что «Россия относится к евразийской цивилизации, которая существенно отличается от европейской (античной) модели по институциональной структуре и системе ценностей. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, а также Балтии, Россия, как, впрочем и ее восточные соседи, после значительных колебаний исторического маятника осталась по существу тем, чем она была ранее, в советские времена. В постсоветской России сохранился в преобразованном виде этакратизм (дословно – власть государства...) с присущими ему слитными отношениями “власть-собственность”, которые получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными. Сохранились и доминирование государственного регламентирующего воздействия на эко-

профессиональным слоям, а также временных и постоянных социальных групп. Показана методика построения используемых индексов: движимого имущества, жилищных условий, власти, социального капитала, культурного капитала.

²Частично читатели нашего журнала знакомы с рядом положений, развитых в книге, по таким статьям, как [Шкарата, Иванов, Инясовский, 2005; Шкарата, 2006; Шкарата, Инясовский, 2007; Шкарата, Инясовский, Любимова, 2008].

номику, возродился и государственно-монополистический способ производства, и корпоративная система как определяющая форма реализации властных отношений, соответственно – иерархического ранжирования объема и характера привилегий членов социума» (с. 9).

Эту сохранившую в основе своей прежние институты, дополненные атрибутами частнособственной экономики и демократической организации общества конструкцию Шкарата определяет как неоэтакратизм. Нельзя не признать, что есть немало концепций, в той или иной степени схожих с идеями этакратизма. В этой связи можно вспомнить и Л. Васильева, и Р. Нуриева, а также разрабатывающих такие теории, как раздаточной экономики (О. Бессонова), или различных институциональных матриц (С. Кирдина), или ресурсного государства (С. Кордонский), или зарубежные концепции, восходящие, например, к теории К. Поланы. Однако особая ценность данной работы – в органическом соединении концепции этакратизма с глубоким, точно выстроенным социологическим исследованием.

Исходя из концепции этакратизма, Шкарата поставил в центр анализа воспроизведения социального неравенства в постсоветской России отношения собственности: «Властные отношения с присущей им номенклатурной иерархией и сословными привилегиями правящего слоя, сохранили свое доминирование над отношениями частной собственности. Бизнес как носитель свободно-рыночных отношений подмят под себя государственно-бюрократическими структурами. Государственное регламентирующее воздействие вновь распространено на всю экономику» (с. 466–467).

В таких условиях, как показано в книге, в новой ситуации была воспроизведена сословная иерархия предшествующего периода, в которой господствовало привилегированное сословие – номенклатура, дополненная “прото-классовой дифференциацией, основанной на частной собственности и распределении занятого населения по разным социально-экономическим типам рынка труда” (с. 467). Анализ этих обособленных и в то же время взаимосвязанных систем, порождающих социальное неравенство и стал центральной проблемой исследования Шкарата и его учеников.

Они показали, как в постсоциалистической России при сохранении сути иерархических отношений в сочетании с деформированными рыночными отношениями усложнялась система критериев, статусных индикаторов, определяющих положение индивидуумов или целых социальных групп. В результате в нашей стране “мы имеем дело именно с социально-профессиональной стратификацией, т.е. с занятиями, различающимися характером... труда, а не его качественными статусными характеристиками, выработанными корпоративностью общей принадлежности к одной профессии. В результате образуются функционально расчлененные группы, размещенные по шкале богатство–бедность” (с. 468). Такой тип социально-производственной и потребительской дифференциации, как убедительно демонстрирует представленный в книге эмпирический материал, устойчиво воспроизводится с 1990-х гг. Констатируется, что в России переход “от стратификации иерархического типа, в которой позиции индивида и социальных групп определяются их местом в структуре государственной власти, степенью близости к источникам централизованного распределения, к доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации, основанной на отношениях собственности и распределении по позициям на рынке труда, так и не состоялся” (с. 468).

Вывод о воспроизводящейся этакратической структуре подводит Шкарата к ответу на вопрос: возможны ли модернизация отечественной экономики, создание новой информационной экономики в рамках так и не поддавшейся реформированию в последние десятилетия архаических социальной и политической оболочек? Он полагает, что в принципе такая возможность есть, более того, именно при опоре на твердый разумный государственный контроль (в противовес опоре на стихийно-инерционные силы, что присуще неолибералам) возможно создание условий для развития “нового среднего класса” – инициатора инновационного развития экономики и общества.

Следы этого “нового среднего класса” были обнаружены в ходе проведенного исследования (с. 354–368). Однако тут сразу возникает вопрос: какое государство будет

помогать развитию этих слабых ростков инновационной экономики? Неужели это то самое неоэтакратическое государство с господством “приватизированной” собственности, в котором «принцип “частности” действует в основном в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством» (с. 124)? Причем от принципов пользования “приватизированной” собственностью недалеко ушли и принципы пользования собственностью, формально считающейся государственной (особенно много вопросов вызывают такие появившиеся недавно новообразования, как госкорпорации).

«“Приватизированная” собственность – достояние немногих, – пишет Шкарата. – Как и ее предшественница, корпоративная собственность советской номенклатуры, она представляет собой сословную привилегию правящего слоя. Современный капитализм и новый российский строй не просто далеки друг от друга: они антиподы» (с. 124). Если ограничиться такой констатацией, то вряд ли можно согласиться с наездами авторов книги на модернизационные перспективы отечественной экономики. Ведь сейчас речь должна идти не об индустриальной модернизации мобилизационного типа. Этот путь, базирующийся на социальной архаике, мы прошли в советский период. Однако задачи индустриального развития с их опорой на индивидуальную инициативу входят в тяжелое противоречие со сложившимися на основе архаичных социальных моделей социально-экономическими конструкциями. Более того, как отметил А. Вишневский, и раньше, на этапе индустриализации именно противоречия инструментальной модернизации и социальной архаики стали причиной того, что и задачи индустриализации в их комплексе так и не были доведены до конца: “Какую бы составную часть осуществленных перемен мы ни взяли, в каждом случае после короткого периода успехов модернизационные инструментальные цели вступали в не-преодолимое противоречие с консервативными социальными средствами, дальнейшие прогрессивные изменения оказывались блокированными, модернизация оставалась незавершенной, заходила в тупик” [Вишневский, 1998, с. 418].

Однако следует ли из факта, что реформы 1990-х гг. привели не к крушению этакратизма с присущими ему отношениями “власти-собственности”, а всего лишь к новой его институциализации в виде неоэтакратизма, вывод, что лишь эта форма имманентно свойственна нашей стране? Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно посмотреть, какие изменения по сравнению с советским периодом произошли в самой сердцевине конструкции – отношениях собственности.

От “общенародной (государственной)” собственности к “приватизированной”

В своем анализе этакратизма Шкарата исходит из того, что тут «определяющими являются не дихотомические классовые отношения, а сословно-слоевые отношения по поводу места в системе “власть-собственность”... В целом социальный статус и привилегии определялись не имущественными различиями, а местом во властной структуре... Правящие слои образовывали этакратию, которая по существу являлась не только политическим, но и хозяйствственно-правящим слоем, осуществляя практический контроль над всей государственной собственностью» (с. 97–98). Эти определения сути отношений собственности совпадают с теми, что предлагали в своих работах М. Джалас, а затем и М. Восленский [Джалас, 1992; Восленский, 1991].

Для нужд анализа социальной структуры как советского, так и постсоветского общества, в котором из всего населения номенклатура, а затем и “элита”, выделялась как слой, обладавший особыми правами, такой подход может быть достаточным. Тем не менее, на мой взгляд, он не раскрывает всей сложности этого явления, каким была “общенародная (государственная)” собственность при социализме. Не случайно до сих пор существует целый ряд его толкований, даже взаимоисключающих.

Тезис об “общенародности” этой собственности был отброшен еще в первые годы перестройки, когда появились работы, доказывающие, что трудящиеся при социализме отчуждены от собственности на средства производства [Кузьминов... 1988]. Но и

представления о “государственном” характере советской собственности также были подвергнуты сомнению. Так, В. Полтерович полагает, что после начала “косыгинских” реформ, с формированием на предприятиях фондов материального стимулирования и ориентацией на материальную заинтересованность работников произошли смещения в отношениях собственности: к началу 1990-х гг. предприятия, по его мнению, фактически стали собственностью своих работников, а затем в процессе приватизации “юридически оформилось фактически сложившееся право коллективов на их предприятия” [Полтерович, 2007, с. 373].

Отрицание за народом права субъектности на якобы принадлежащую ему собственность подвело многих к мысли, что собственность эта оказывалась просто “ничьей”. Отсюда – и варварское к ней отношение. Тезис о “ничейности” этой собственности имеет многих сторонников, причем не только среди отечественных ученых. Например, профессор факультета экономики Университета Хьюстона, президент Ассоциации сравнительных экономических исследований, автор монографии “Политическая экономия сталинизма” П. Грегори был согласен с утверждением, что «при советской власти “собственность принадлежала всем и никому”» [Грегори, 1997, с. 25]. Е. Ясин еще в 1990 г. также придерживался такой позиции и повторил ее в 2002 г.: **“Общее – значит ничье.** Это закон социалистической общенародной, значит, государственной собственности. Она порождает огромную концентрацию экономической власти, не имеющую прецедентов в истории. Но, с другой стороны, – бессилие; незаинтересованность человека, на которого направлены приказы, выполнить их иначе как под страхом репрессий; бесхозяйственность, отсутствие дисциплины, вороватость. Даже не вороватость. Типичная фигура – несун. Это не вор, он не ворует, он уносит то, что принадлежит государству, т.е. ничье” [Ясин, 2002, с. 50].

Версии о “ничейности” общенародной (государственной) собственности придерживаются руководимые Р. Нуриевым авторы монографии “Экономические субъекты постсоветской России”: «...в советской экономике фактически не существовало верховного собственника, то есть не было субъекта – носителя права конечного контроля и права на остаточный доход. В этом смысле “общенародность” собственности заключается в ее “ничейности”» [Экономические... 2003, с 40]. К такому выводу они приходят, критически проанализировав и отвергнув упомянутое предположение Джиласа и Восленского о том, что верховным собственником в советской хозяйственной системе являлась номенклатура: «...если внимательнее посмотреть на цели и приоритеты номенклатуры, ее возможности свободно распоряжаться объектами общенародной собственности, то оказывается, что этот “новый класс” правильнее было бы считать исполнителями с весьма специфической целевой функцией. Номенклатура не имела возможности напрямую подменить общенародные интересы своими собственными, и в этом крылось противоречие, ведущее к крайне неэффективному управлению собственностью» [Экономические... 2003, с. 39].

Серьезный анализ сущности общенародной (государственной) собственности содержится в монографии Я. Корнаи. Тем не менее в его суждениях, как мне представляется, есть некоторые противоречия и нестыковки, связанные с неточностью как в характеристике этой собственности, так и в определении того, кто же является ее владельцем. Рассматривая данную проблему, знаменитый венгерский экономист концентрирует внимание прежде всего на таких атрибуатах собственника, как его право на остаточный доход от собственности, право ее отчуждения и право управления, и с этих позиций решает вопрос о том, кто же в социалистическом обществе обладает правами собственника.

Он констатирует, что «номинальным собственником государственной фирмы является государство в лице его центрального правительства. Согласно официальной идеологии данный сектор есть собственность “всего народа” или “всего общества”. Это отличает ее от других не частных форм собственности, например, от фирмы, принадлежащей региональной государственной структуре, или кооператива. Здесь соб-

ственником официально выступает лишь часть населения (жители соответствующего региона или члены кооператива)» [Корнаи, 2000, с. 97–98].

Поиски обладателя права на остаточный доход Корнаи завершает следующим выводом: «Остаточный доход при данной форме собственности есть экономическая величина, произвольно устанавливаемая бюрократией. Но раз она установлена (в технологических терминах финансового управления), то поступает в централизованный доход государства, и в этом смысле собственником выступает “государственная казна”. Итак, если мы задаемся вопросом, кто контролирует государственный бюджет и кто устанавливает все экономические параметры (цены, зарплату, налоги и т.д.), которые... служат факторами, определяющими размер чистого дохода, то ответ на него будет очевиден: это право распоряжения принадлежит бюрократии. Таким образом, за безличным институтом “государственная казна” стоит группа лиц, находящихся у власти, и это ей принадлежат права собственности (на остаточный доход. – Н.П.)» [Корнаи, 2000, с. 99].

Эти права собственности на остаточный доход, по Корнаи, “сконцентрированы в руках тех, кто оказывает наибольшее влияние на составление планов, определение государственных доходов и расходов, цен и зарплаты” [Корнаи, 2000, с. 100]. Причем личный доход наделенных такими правами лиц, с одной стороны, не был напрямую связан с доходами от управляемой ими собственности, но с другой – эти представители бюрократии не несли и личной ответственности за просчеты и убытки, которые понесли предприятия из-за некачественного руководства.

Что же касается такого права собственности, как возможность ее отчуждения, то в случае социалистической собственности «государственные фирмы не являются объектом купли или продажи; они не могут быть переданы в аренду, переданы или получены в наследство. В классической социалистической системе правом их отчуждения не обладает никто, даже “государство” как номинальный собственник» [Корнаи, 2000, с. 100].

В плане же управления собственностью Корнаи отдает все права бюрократии. При этом “деятельность государственной фирмы контролируется иерархически организованной внутри нее бюрократией, которая образует нижние уровни иерархии, охватывающей все общество” [Корнаи, 2000, с. 100]. Причем им разделяются отряды бюрократии, осуществляющие непосредственное управление, от тех, кто занимается финансовыми делами государства, как обладающими правами на остаточный доход от собственности. «Только на самом верху эти две ветви бюрократии оказываются под общим руководством генерального секретаря партии, политического комитета и “правительства”» [Корнаи, 2000, с. 101].

Венгерский ученый делает вывод, что «выражение “общенародная собственность” – просто идеологическое клише», ибо “даже если руководящий слой бюрократии социалистической власти будет вести аскетический образ жизни, считать своей важнейшей задачей подъем материального уровня жизни населения и эффективно ее решать, отношения собственности применительно к государственной форме останутся бюрократическими...” [Корнаи, 2000, с. 101]. В целом же при социализме “деперсонализация собственности достигает крайних форм. Какую государственную фирму ни возьми, не существует конкретного лица, семьи или небольшой группы партнеров, на которых можно было бы указать как на собственников. Поскольку никто не кладет в свой карман прибыль и не обязан из своего же кармана покрывать убытки, собственность в этом смысле не только деперсонифицирована, но и уничтожена. Государственная собственность принадлежит всем и никому” [Корнаи, 2000, с. 101].

Таким образом, анализ Корнай в итоге подводит нас к ситуации полной неопределенности. Собственность в условиях реального социализма трактуется и как государственная, и как бюрократическая, и как “ничья”... Однако такое положение вряд ли можно признать соответствующим реальности. Ведь собственность – субстанция весьма определенная и требует определенности в фиксации своего владельца. В противном случае затруднительна организация ее рационального использования (пусть даже

эта рациональность не сводится к рациональности экономической, а имеет в своей основе идеологические предпочтения). Между тем нельзя не признать, что, при всей очевидной ныне для многих неэффективности управления советской собственностью в экономическом смысле, советский период развития нашей страны стал периодом значительного модернизационного рывка.

Представляется, что такая неопределенность в определении “социалистической собственности” вытекает из того, что традиционно поиск дефиниций в этой сфере велся по линии владения, распоряжения и использования объектов собственности. Но при этом игнорировался вопрос о том, перед кем за свои действия отвечает “владеющий, распоряжающийся и использующий” тот или иной объект имущества. То есть собственность надо рассматривать не только с позиций *прав* (они могут быть delineированы управленцам, арендаторам и т.п.), но прежде всего *ответственности*: как ответственности самого собственника, так и ответственности перед собственником. Если мы ответим на этот вопрос, то сможем выявить, во-первых, подлинного собственника “социалистической собственности”, а во-вторых, качественное различие советской и постсоветской ситуации, принципиально разделяющее положение номенклатуры и современной бюрократии и связанных с ней владельцев приватизированных (и не только) активов.

Признание бюрократии фактическим собственником общенародной (государственной) собственности в анализе ученых, придерживающихся данной трактовки, опирается на реальные права по распоряжению находящимся в ее ведении имуществом. Однако отличие простого управленца даже очень высокого уровня от собственника заключается прежде всего в том, что первый несет ответственность за свои действия перед вторым. В отношениях собственности советского типа ключевую роль играла именно **партийная ответственность**, она была тем стержнем, на который нанизывались другие отношения по управлению собственностью (подробнее см. [Плискевич, 2006]).

Думается, вообще тема ответственности при определении характера собственности и ее конкретного собственника неоправданно игнорируется. Это касается, как представляется, анализа не только советской системы собственности, но и вообще ситуаций, связанных с “размытостью” субъектов собственности, становящихся типичными по мере развития акционерных форм собственности, роста числа миноритарных акционеров и т.п. Ведь признание ответственности перед собственником не только менеджмента и рядовых работников, но и просто членов общества является свидетельством общественного признания легитимности собственности. В то же время не менее важна и социальная ответственность собственника перед обществом как гарантия социального спокойствия. Представляется, что с категорией ответственности связаны гораздо более многоаспектные отношения, чем обычно обсуждаемые проблемы социальной ответственности собственника как работодателя или производителя продукции либо услуг.

Фактическое признание советским обществом верховенства партийной ответственности является свидетельством легитимности в его глазах КПСС – партии-государства как верховного собственника. Любой управленец, бюрократ, партийный чиновник нес ответственность перед партией-государством как некоей надличностной коллективной силой. Даже развитие процессов “бюрократического торга” (В. Найшуль) в 1960–1980-х гг., делавшее все более “рыхлыми” “распоряжение и использование” собственности конкретными управленцами, не отменяло институтов партийной ответственности. Именно партийные структуры могли как назначать, так и снимать с работы любого из них. Потеря партийного доверия означала крушение всей чиновничьей карьеры, изгнание из рядов тех, кто имел право распоряжаться собственностью. Как раз распад партии-государства с соответствующим размыванием партийной ответственности на рубеже 1980–1990-х гг. ознаменовал качественные изменения в положении самой общенародной (государственной) собственности. Только в этот период, а совсем не раньше она стала обретать статус “ничьей”, ибо реальный ее собственник прекратил свое существование.

вование (другой вопрос – кто, как и когда смогли перехватить его права)³.

Определив партию-государство как реального собственника в советской системе, мы проясняем качественную разницу позиций номенклатуры и современных властных кланов. Если первая функционировала в условиях четкой определенности отношений собственности и четко прописанных прав и ответственности, а также иерархически организованных привилегий членов номенклатурного сообщества, то вторые действуют в ситуации неопределенности отношений собственности, борьбы кланов за ее передел, институциональной ловушки “перманентного перераспределения” [Полтерович, 2005].

Как отмечают Г. Мальгинов и А. Радыгин, не случайно наше государство “в ходе приватизации и становления новой структуры собственности долгое время вообще не осознавало себя в качестве акционера”. К концу 1990-х гг. попытки наладить управление государственной собственностью не были подкреплены ни с материальной, ни с нормативно-правовой точки зрения, а в 2000-х гг. “реальная практика управления государственной собственностью в корпоративном секторе по сравнению с 1990-ми годами не претерпела существенных изменений” [Мальгинов, Радыгин, 2007, с. 607, 610]. Пресловутая “вертикаль власти” тут не только оказалась бессильной, но и внесла свою лепту в процессы “перманентного перераспределения”. Констатируется, что в 2000-х гг. «один из наиболее значимых элементов благоприятного институционального окружения – общая устойчивость сложившихся структур собственности и правил присвоения на протяжении всего периода осуществления долгосрочных инвестиций – по-прежнему “не работает”» [Экономика... 2008, с. 86]. Отсюда – низкая деловая активность, отсутствие долгосрочных капиталовложений, без которых немыслима модернизация экономики, и просто бегство капитала.

Состояние неопределенности пронизывает и “приватизированный”, и частный бизнес. Постоянная угроза захвата собственности висит практически над любым предпринимателем, и чем успешнее его бизнес, тем, как показывают многочисленные примеры последних лет, больше угроза. Единственным спасением по-прежнему остается сращивание с бюрократическими и силовыми структурами, создание коррупционных сетей. Но и это может не спасти от возможностей захвата конкурирующими группировками. Попытка построения “вертикали власти” не только не привела к установлению большей определенности в отношениях собственности, но из-за упора на силовой компонент и блокирования юридических способов защиты собственности при столкновении интересов околовластных группировок с частным бизнесом лишь усугубила ситуацию неопределенности.

По сути, *переход от определенности к неопределенности в отношениях собственности лежит в основе размежевания этакратического и неэтакратического этапов развития страны*. Эта ситуация неопределенности, с одной стороны, стала источником обогащения властно-бюрократических группировок, открывая возможности перераспределения в их пользу доходов как от государственных, так и фактически не принадлежащих им частных активов, породила беспрецедентный расцвет коррупции. Поэтому представители этих группировок стремятся продлить такое положение. Но с другой стороны, в ситуации неопределенности отношений собственности блокируется деловая активность, прежде всего связанная с инновационной деятельностью.

³ В этом процессе можно выделить ряд этапов. Первый связан с принятием в 1987 г. Закона о государственном предприятии (объединении), когда трудовые коллективы получили право самостоятельного выбора своего руководителя. Тем самым КПСС теряла монополию в кадровой сфере, и неоднократно выборными руководителями становились люди, неугодные партийному начальству (подробнее см. [Плаксевич, 1998]). Второй этап наступил на рубеже 1989–1990 гг., когда стало очевидно, что идущие изменения в политической сфере требуют изменений и в управлении собственностью. Тогда началось “акционирование” по особым решениям с особо доверенными людьми важнейших объектов собственности, а также создание новых, прежде всего в финансовой сфере. Эти шаги, поспешно осуществляемые руководством страны, были нацелены прежде всего на поиск форм и инструментов, которые позволили бы КПСС сохранить монопольный контроль в новых условиях, представлявшихся им лишь как “обновление социализма”. Наконец, третий этап наступил в 1991 г. с исчезновением КПСС с политической сцены.

Соответственно, блокируются и пути инновационного развития. Не случайно при всех разговорах о модернизации 2000-е гг. стали годами резкого усиления зависимости экономики страны от топливно-сырьевого экспорта при значительном падении доли не только экспорта, но и просто производства высокотехнологичной продукции.

Возможна ли модернизация в России?

Таким образом, система неоэтатанизма блокирует процессы модернизации постиндустриального типа. Однако, с точки зрения Шкаратана, «в принципе есть возможность создавать информациональную экономику при сохранении архаичной социальной и политической “оболочки”» (с. 469). Этот тезис аргументируется тем, что потребности качественной модернизации страны отстаивает национальный капитал, формирующийся преимущественно в провинции. Он становится инициатором инновационного развития, является той крупинкой, вокруг которой формируется кристалл “нового среднего класса” – основного носителя инновационно-креативного потенциала. И в противостоянии национального и компрадорского (основы неоэтатанизма) капитала решится вопрос о том, удастся ли России выйти на путь инновационного развития.

По сути, успешная реализация данного сценария означает разрыв с неоэтатанизмом, но не революционным рывком, а на основе долгосрочной государственной политики, направленной на преодоление доминирования “корпоративного псевдо-капитализма с определяющей ролью постсоветской номенклатуры”. Речь идет “и об ограничении чрезмерной социально-экономической дифференциации... и о политике поддержки новых продуктивных групп тех, кто образует социальные компоненты **нового** среднего класса. Только представители средних слоев (среднего класса) постиндустриального типа (информационные производители) являются опорой структурных изменений в экономике и обществе” (с. 472).

С данным тезисом нельзя не согласиться. Но невозможно не видеть и того, что вся современная система неоэтатанизма особенно сильно бьет именно по этим слоям. И действительно имеющие место отдельные примеры того, как долгосрочные прагматические интересы некоторых региональных лидеров в союзе с “неолигархическими” компаниями и бизнес-ассоциациями работают на создание новых институтов [Яковлев, 2006], вряд ли способны противостоять прочно выстроенным бастионам неоэтатанизма. Чтобы взять этот барьер на пути к модернизации, стране необходимо *новое качество государства*, его институтов. По сути это означает как раз уничтожение “архаичной социальной и политической оболочки”. В противном случае, как и показано в книге на материале 1990–2000-х гг., будут сохраняться условия для воспроизведения стратификации иерархического типа, где позиции индивида и социальных групп определяются местом во властью-собственнической конструкции, возможностями использования преимуществ доступа к источникам централизованного распределения. В этой ситуации на одном полюсе будет сосредоточено богатство высших иерархических структур, обусловленное по преимуществу перераспределением доходов рентного характера, а на другом – воспроизводиться ситуация если не бедности, то массовой малообеспеченности, о которой речь шла в начале статьи.

При этом важно учесть ошибочность тезиса о том, что дешевизна ресурсов, в том числе трудовых, “выступает обязательным условием модернизации”, который отстаивает, например, В. Иноземцев [Иноземцев, 2009, с. 34]. Данный тезис справедлив для модернизации индустриального типа в странах с аграрным перенаселением, способных поставить растущей индустрии массовую малоквалифицированную рабочую силу, востребованную конвейерным производством. По этому пути индустриализации идут сейчас развивающиеся страны, прежде всего Китай и Индия, процессы современного развития которых можно сопоставить с процессами индустриализации нашей страны. Но и там политика развития, покоящаяся на перемещении транснациональными корпорациями производств в страны с дешевой рабочей силой, вызывает тревогу. Напри-

мер, Э. Тоффлер называет этот процесс “гонкой ко дну”, анализируя один из его маршрутов – “Мексика–Китай–Африка”. Он подчеркивает, что такого рода перемещения производств отнюдь не будут способствовать перемещению богатства и подлинному развитию стран, делающих ставку в конкурентной борьбе на дешевизну рабочей силы: «Теория “гонки ко дну” предполагает... что рабочие, в сущности, взаимозаменяемы, что может быть в достаточной мере справедливым для повторяющихся, конвейерных операций. Чем выше поднимается работник по лестнице научноемкой экономики, тем в меньшей степени срабатывает этот принцип... При переходе от конвейерных заводов и дымных городов к научноемкому производству мы радикально меняем сами критерии, по которым точка на карте, город или страна оказываются “местом высокой прибавочной стоимости”. То, что мы должны увидеть, это не столько гонка ко дну, сколько гонка наверх» [Тоффлер, Тоффлер, 2008, с. 108–109].

Для нашей страны заложенные в советский период принципы “системы низких зарплат”, дополняемые иерархически организованной системой льгот и привилегий, воспроизводящиеся в постсоветской экономике, по сути оказались институциональной ловушкой, блокирующей модернизационные процессы. Ведь стимулом модернизации, особенно модернизации постиндустриального типа, является экономия дорожающего ресурса. Советская экономика опиралась на фундамент дешевизны первичных ресурсов – сырья, топлива и рабочей силы. С переходом к рыночным отношениям и открытости экономики цены на сырье и топливо стали тяготеть к мировым: внутренний рынок здесь вступил в конкуренцию с внешним. Единственным традиционно дешевым ресурсом осталась рабочая сила. Лишь незначительные ее сегменты смогли выйти на конкурентный рынок международного масштаба. Часть его вылилась в так называемую утечку мозгов, другая – в отмеченные Шкарлатаном процессы формирования новых информациональных работников, доля которых в общей численности рабочей силы весьма невелика.

Основная же часть занятых по-прежнему остается в рамках системы низких зарплат. Она не имеет лоббистов, призванных отстаивать ее интересы перед работодателем: существующие профсоюзы встроены в систему “власти-собственности” и не выполняют этой функции. В результате мы имеем по всей стране подавляющее большинство немодернизированных производств,держивающих на плаву лишь благодаря низкой стоимости используемой рабочей силы. У их владельцев нет стимулов что-либо менять, вкладывать средства в технические иправленческие усовершенствования, ибо производственные нужды покрываются экономией на стоимости труда (подробнее см. [Плiskeвич, 2009]).

Думаю, в рамках неоэтакратизма с встроенными в него архаичными структурами переход на рельсы модернизации невозможен. Однако это не означает, что переход на модернизационный путь развития для страны закрыт. На мой взгляд, у России есть все шансы порвать с этой формой. Ведь неоэтакратизм опирается на неопределенность отношений собственности, что само по себе *делает эту форму переходной*. Но перейти к определенности этих отношений можно только перейдя к качественно иному устройству государства, способному адекватно ответить на вызовы времени. О том, что такой вариант возможен, свидетельствует нарастающее недовольство сложившимся *status quo* как “верхов”, так и “низов”.

Во-первых увеличивается недовольство элитных групп произволом власти в целом, а также силовых структур и судебных органов (см., в частности, [Афанасьев, 2009]). Например, среди мотивов, приписываемых деятельности высшей власти, представители элит в 52% случаев называют корыстно-шкурные интересы, а среди руководителей частного бизнеса так отвечают 69% опрошенных [Гудков, Дубин, Левада, 2006, с. 149]. Постоянными стали случаи рейдерства с участием силовых структур, обыденными – факты судебного произвола, особенно если в процессе сталкиваются частные граждане и те, кто прямо или косвенно связан с властными структурами. О необходимости изменения ситуации неоднократно говорили и бывший, и нынешний президенты. Вопрос: когда эта необходимость обретет характер действительной, а не

вербальной политической воли? А изменение ситуации в этой сфере, переход к подлинно правовым практикам разрешения противоречий – важнейший шаг в отходе от практики неоэтакратизма.

Во-вторых, находящаяся ныне у власти группа, естественно, хотела бы, чтобы именно на ней была прервана практика “перманентного перераспределения” собственности. Для того чтобы обеспечить себе самой стабильное будущее, ей жизненно необходимо начать переход в этой сфере от отношений неопределенности (сколь бы выгодными они ни казались сейчас) к определенности. Это также связано с укреплением тех институтов государства, которые противоречат практике неоэтакратизма. Многие из этих институтов, кстати, зарождались в 1990-е гг.⁴, но последующее развитие событий привело к блокированию их развития. Желание стабилизировать собственные активы вполне может стать аргументом в реформировании государственных практик.

“Низы” также страдают от произвола власти. Опросы свидетельствуют, что существующие практики общения с государственными структурами самого разного уровня во множестве случаев сопровождаются поборами, ведут к все большему отчуждению населения от государства. Здесь, с одной стороны, ставшие привычными в годы реформ практики выживания способствуют расцвету патернализма – одной из российских традиционных ценностей. Но с другой стороны, сами действия современного российского государства ведут к размыванию его “сакрализации” в глазах россиян, и теперь отнюдь не каждое государство воспринимается как легитимное: «Готовность государства к заботе о нуждах своих граждан и ее действенная реализация – основа всей этой системы отношений, легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти, их “послушания”. Соответственно, социальная функция государства всегда должна будет доминировать над экономической в рамках этой модели отношений, в целом укладывающейся в систему патернистских отношений представителей власти и “подданных”» [Тихонова, 2005, с. 42].

Реализовать такую функцию в рамках неоэтакратизма, как показал Шкарата, невозможно. Здесь мы обречены на воспроизведение сложившейся модели социального неравенства. Выход из ситуации возможен на пути качественного преобразования российского государства, равно как развития инновационных потенций нашего общества. Обычно, указывая на неудачи реформ в России, подчеркивают, что они постоянно проваливались и сменялись контрреформами. Но если и контрреформы не приносили результатов, то и их нельзя признать успешными (см., например, [Гофман, 2008, с. 43]). А потому после контрреформ 2000-х логично ожидать новых попыток реформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев М.Н. Российские элиты развития. Запрос на новый курс. М., 2009.
- Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Гофман А.Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX и XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008.
- Грегори П. Действительно ли реформы в России оказались неудачными? // Вопросы экономики. 1997. № 11.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема “элиты” в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2006.
- Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- Иноземцев В.Л. Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // Модернизация в России: условия, предпосылки, шансы. Вып. 1. Стратегические проблемы модернизации. М., 2009.
- Корная Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М., 2000.

⁴ В. Май отмечает, что работа реформаторов 1990-х гг. в деле решения институциональных проблем несправедливо недооценивается. Как раз им, а не макроэкономической стабилизации уделялось основное внимание на первых этапах реформ [Экономика... 2008, с. 31].

Кузьминов Я.И., Набиуллина Э.О., Радаев В.В., Субботина Т.Д. Отчуждение труда. История и современность. М., 1988.

Малева Т.М. Средний класс вчера, сегодня, завтра, или Как построить “социальный лифт”? // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 8.

Мальгинов Г.И., Радыгин А.Д. Смешанная собственность в корпоративном секторе: эволюция, управление, регулирование. М., 2007.

Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Вып. 2. Социальные аспекты модернизации. М., 2009.

Общественное мнение – 2007. Ежегодник. М., 2007.

Общественное мнение – 2008. Ежегодник. М., 2008.

Плискевич Н.М. “Власть–собственность” в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. 2006. № 3.

Плискевич Н.М. Система низких заработных плат – институциональная ловушка // Социальная политика в контексте “нормативной теории государства”. М., 2009.

Плискевич Н.М. Утопизм и прагматизм российского реформаторства (к 10-летию Закона о государственном предприятии) // Общественные науки и современность. 1998. № 1.

Полтерович В.М. Общество перманентного перераспределения // Общественные науки и современность. 2005. № 5.

Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М., 2007.

Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005. № 6.

Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.

Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М., 2008.

Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М., 2004^a.

Шкаратан О.И. Социальная политика. Ориентир – новый средний класс // Общественные науки и современность. 2006. № 4.

Шкаратан О.И. Становление постсоветского неоэтатлизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1.

Шкаратан О.И. Этатлизм и российская социetalная система // Общественные науки и современность. 2004^b. № 4.

Шкаратан О.И., Иванов И.М., Инясевский С.А. Анализ социально-экономического неравенства россиян // Общественные науки и современность. 2005. № 5, 6.

Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М., 2006.

Шкаратан О.И., Инясевский С.А. Новый средний класс на Западе. Полвека дискуссий, полвека перемен // Общественные науки и современность. 2007. № 4.

Шкаратан О.И., Инясевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. Экономический рост 2000–2007. М., 2008.

Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Часть 3. Государство в современной России. М., 2003.

Яковлев А.А. Агенты модернизации. М., 2006.

Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама российских реформ. Курс лекций. М., 2002.